

Старажытная гісторыя і археалогія Верхняга Падняпроўя і Пасожжа

А.В. Колосов (Могилев, Беларусь)

УО «МГУ имени А. А. Кулешова»

СТРУКТУРЫ ОБИТАНИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ¹

Многолетнее изучение памятников каменного века Восточной Беларуси позволило получить выразительные и представительные по числу находок коллекции кремневого инвентаря, рассмотреть проблемы культурно-генетического плана. Вместе с тем в стороне остается целый пласт слабоизученных тем, особенно связанных с реконструкцией социальной и хозяйственной структуры древних сообществ. Решение этих вопросов определяет необходимость сравнительного анализа существующей базы источников по структурам обитания, что позволит установить характер освоения и использования человеком ландшафтов в разные периоды каменного века, выявить специфику хозяйственной деятельности первобытного населения.

Попытка рассмотрения отдельных сторон жизни человека, его адаптации в каменном веке Восточной Беларуси предпринималась неоднократно [1; 3; 9; 11]. Однако практически все публикации сводятся к морфографии найденных на памятниках структур хозяйственно-бытового назначения и связанных с ними находок. Специальных исследований, направленных на разработку критериев и типов адаптации первобытного населения, сравнительный анализ структур обитания на примере памятников каменного века региона, не проводилось. Как впрочем, нет и работ, касающихся детального (функционального) разбора понятия «структуры обитания» применительно к каменному веку Восточной Беларуси, а также вполне обоснованного доказательства присутствия на том или ином исследованном памятнике археологии объектов хозяйственно-бытового назначения.

Однако все это тема отдельного разговора. В задачи настоящей статьи входит рассмотрение данных о структурах обитания, полученных в результате исследования памятников каменного века Могилевского Поднепровья. Информация о них стала доступной благодаря раскопкам отдельных стоянок, проведенных Е.Г. Калечиц [1], В.Ф. Копытиным [8–9] и О.Л. Липницкой [10] в 1970–1980-е гг., а в 2000-е гг. – автором статьи [2–6]. Современный этап отражают материалы исследований Я.Л. Хомченко, результаты которых ожидают своей публикации².

¹ Работа выполнена в рамках задания «Финальный палеолит и мезолит Восточной Беларуси: структуры обитания, функциональная и культурная дифференциация памятников, типы хозяйственной адаптации», включенного в ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. (№ госрегистрации 20161331).

² Речь идет о раскопках многослойного поселения Чериков-2 в 2014 и 2016 гг.

Каменный век региона характеризуют различные по своему функциональному назначению стоянки. Это, пожалуй, единственная и основная категория памятников эпохи камня, на которых присутствуют локализации обработанного кремня и связанных с ними структур обитания – остатки жилищ и жилых площадок, очагов, ям, места обработки каменного (кремневого) сырья, «клады» кремневого сырья.

На территории Могилевского Поднепровья остатки структур обитания каменного века зафиксированы на 15 стоянках – Дедня [3, с. 44–47], Горки [9, с. 51], Журавель [8], Каменка-5 [2, с. 214; 4, с. 220], Клины-2 [1, с. 17], Клины-4 [1, с. 56], Клины-6 [1, с. 58], Криничная [10], Лудчицы [9, с. 38, 73], Поклады-2 [3, с. 9], Рудня-1 [3, с. 60–62], Старый Дедин-4 [4, с. 223; 5, с. 307–308], Устье-2 [3, с. 29–32], Чериков-2 (исследования Я.Л. Хомченко), Черное-1 [6, с. 33–34].

Коллекции находок всех памятников содержат разновременные материалы. Однако основной фон материалов ряда стоянок позволяет охарактеризовать финальный палеолит – ранний мезолит (Горки, Журавель, Клины-2, Лудчицы, Поклады-2), мезолит (Дедня, Криничная, Устье-2, Чериков-2) и неолит (Клины-4, Клины-6, Рудня-1, Старый Дедин-4, Черное-1).

Культурный слой памятников приурочен к иллювиальному горизонту почвы, что негативно сказалось на сохранности структур обитания, возможности их изучения, культурной дифференциации, а иногда и интерпретации объектов как результата именно антропогенного воздействия на окружающий ландшафт в древности. В культурном слое стоянок структуры улавливаются по цвету и характеру заполнения – серый и темно-серый песок, который в отдельных случаях имеет вкрапления древесного угля. На стоянках Восточной Беларуси структуры обычно фиксируются на глубине 0,40–0,60 м от дневной поверхности. Исключение составляют остатки двух очагов, обнаруженных на уровне 0,32 м (Старый Дедин-4) и 0,78 м (Поклады-2).

Имеющиеся данные свидетельствуют о существовании в каменном веке региона искусственно созданных древним человеком жилищ. В культурном слое памятников эти структуры улавливаются по локализациям пятен разных размеров, форм и характеру заполнения – серому и темно-серому песку, в котором могут присутствовать вкрапления мелких угольков, их концентрации, связанные с остатками очага. Естественно, исследованиями фиксируется только видимая часть жилых структур. Истинные размеры, мощность их заполнения остаются до конца неизвестными, что делает выводы относительно параметров, конструкции, а иногда и геометрии жилищ предварительными.

По форме заполнения исследованных жилых структур, на памятниках каменного века Могилевского Поднепровья можно выделить следующие типы: а) жилища округло-овальной формы – Дедня (площадь 4 кв. м), Лудчицы (диаметр до 2,5 м), Рудня-1 (?); б) жилище четырехугольной формы – Криничная (площадь 9,4 кв. м); в) структуры по форме напоминающую

цифру восемь – Каменка-5 (объект № 3, площадь 12 кв. м), Старый Дедин-4 (объект № 2, площадь 13 кв. м).

По мощности заполнения можно говорить о распространении такого типа структур как жилища-полуземлянки. Их следы, явно, присутствуют на стоянках Дедня (яма № 1, мощность заполнения – 0,60 м), Каменка-5 (объект № 3, 0,95 м), Рудня-1 (0,18–0,51 м), Старый Дедин-4 (объект № 2, 0,63–0,77 м).

В отдельную группу структур хозяйственно-бытового назначения можно выделить остатки *жилых площадок*. В отличие от жилищ жилые площадки связаны с конкретным видом деятельности древнего человека на поселении (например, разделка и переработка охотничьей добычи, обработка кремня) и выделяются по локализации находок. Остатки жилой площадки обнаружены на стоянке Дедня (общая площадь – 78 кв. м, мощность заполнения – 0,20–0,45 м). Структура выделена по наличию нескольких линз темно-серого цвета, не имевших четкой формы, но отдаленно напоминавших овал. В пределах исследованного объекта наблюдалась концентрация находок. Визуально выделено семь скоплений и микроскоплений кремневых артефактов, включавших продукты расщепления кремня, предметы вооружения и орудия труда (наконечники стрел, вкладыши, резцы, скребки, изделия с выемкой, сверла и проколки, острия, рубящие орудия).

По двум образцам древесного угля, отобранного в северной экспозиции жилой площадки стоянки Дедня в 2007 г., получены даты – 11370 ± 300 BP (IGS-1698) и 9190 ± 245 BP (IGS-1699)¹. Если первая дата вызывает некоторые сомнения – она значительно удревает стоянку Дедня, то вторая дата, в принципе, соответствует нашему прежнему мнению относительно пребореального возраста памятника [3]. Сравнительный анализ материалов позволил датировать памятник второй половиной VIII тыс. до н.э. и установить связь кремневого инвентаря стоянки с технокомплексами типа Пулли, известными в Восточной Прибалтике [14, с. 13–23; 15], в Волго-Окском междуречье [7; 13, с. 178–187], на севере Восточной Европы [12].

Возможно, подобного рода структура могла существовать на стоянке Каменка-5 в Кричевском Посожье. В культурном слое она выделялась высокой концентрацией орудий, в первую очередь скребущих форм, группировавшихся вокруг размытого очага.

На памятниках каменного века региона известны остатки *очагов*. Это линзы округлой или овальной формы, заполненные песком с зольно-углистой массой, находками обожженных камней, обработанного кремня, фрагментов керамики. По планиграфии данных структур в пределах конкретного памятника можно выделить две группы очагов: а) очаги открытого типа – Каменка-5 (3 очага) и Клины-2 (4); по одной структуре обнаружено на

¹ Здесь и далее – все даты получены в филиале «Центральная лаборатория» госпредприятия «НПЦ по геологии» (Минск). Работы выполнялись в 2016 (образцы со стоянок Дедня, Каменка-5 (открытый очаг), Устье-2) и 2017 гг. (Каменка-5 (очаг с каменной выкладкой), Черное-1) под руководством ведущего инженера лаборатории Г.И. Лучиной, за что выражаем ей свою признательность.

стоянках Горки, Лудчицы, Поклады-2, Устье-2, Черное-1 и б) очаги в пределах жилых структур. К объектам второй группы, вероятно, следует отнести остатки очага стоянки Устье-2. В пределах этой структуры четко прослеживалась компактная (округлых очертаний) локализация находок размером 4×4 м – остатки не обнаруженного округлого жилища (?) [3, с. 32].

Свою вариабельность очаги имеют и по характеру заполнения. Большая часть очажных структур характеризуется зольно-угольным заполнением, смешанным с песком. На трех стоянках обнаружены очаги с каменной выкладкой – Каменка-5 (объект № 1), Клины-2 (очаг № 1), Старый Дедин-4 (объект № 1). На стоянке Лудчицы возле очага сохранился развал камней (ветровой заслон?) [9, с. 38, 73].

По образцам, взятым из заполнения очагов трех стоянок, получены радиоуглеродные даты: Устье-2 – 7830±330 ВР (IGS-1700), Каменка-5, один из открытых очагов – 6300±200 ВР (IGS-1701), Каменка-5, очаг с каменной выкладкой – 6560±110 ВР (IGS-1810) и Черное-1 – 3840±100 ВР (IGS-1811).

На шести стоянках каменного века найдены остатки *ям* – Каменка-5 (объект № 2), Клины-2 (одна яма), Клины-4 (2 ямы), Клины-6 (одна яма), Рудня-1 (объект № 4), Устье-2 (три ямы, в одной из них «клад» обработанного кремня), Чериков-2. В культурном слое памятников ямы выделяются линзой песка или супеси серого, коричневого, темно-желтого цветов, имеющей округлую или овальную формы. Отдельные ямы могли использоваться в качестве убежища (например, могли служить укрытием от ветра) или как рабочее место мастера (в заполнении таких ям концентрируются продукты расщепления кремня).

В отдельную группу структур выделяются «клады» каменного сырья, продуктов расщепления кремня, орудий труда. «Клад» обработанного кремня известен на стоянке Устье-2 – 130 сколов, полученных с одной кремневой конкреции [3, с. 31]. О.Л. Липницкая выделяет «клад» кремня на стоянке Журавель [11, с. 10]. Однако состав находок, характер их распределения в пределах раскопов стоянки Журавель может также свидетельствовать в пользу рабочих мест мастера, о чем собственно писал и сам автор раскопок памятника – В.Ф. Копытин [8].

Таким образом, на основании имеющихся материалов появляется возможность провести классификацию и сравнительный анализ объектов хозяйственно-бытовой структуры. Это позволит разработать соответствующие критерии анализа поселенческой структуры конкретного памятника, провести культурную дифференциацию материалов, что приблизит нас к решению вопроса о системах адаптации человека на территории Восточной Беларуси в каменном веке.

Список литературы и источников:

1. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1987. – 158 с.
2. Коласаў, А. У. Археалагічныя даследаванні 2009 года ў басейне р. Сож / А. У. Коласаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2012. – Вып. 23. – С. 214–219.
3. Колосов, А. В. Археологические древности Могилевского Посожья: по материалам экспедиций 2002–2008 гг. / А. В. Колосов. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2009. – 264 с.
4. Колосов, А. В. Археологические работы 2010 г. в междуречье Сожа и Остра / А. В. Колосов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2012. – Вып. 23. – С. 220–225.
5. Колосов, А. В. Археологические работы 2012 года в Посожье / А. В. Колосов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі і. – Мінск, 2014. – Вып. 25. – С. 307–312.
6. Колосов, А. В. Черное-1 – новая стоянка эпохи неолита в бассейне р. Сож / А. В. Колосов // Научные стремления: молодежный сб. науч. статей. – Вып. № 9. – Минск : «Энциклопедикс», 2014. – С. 33–44.
7. Кольцов, Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры / Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. – Москва : Наука, 1999. – 155 с.
8. Копытин, В. Ф. К характеристике мезолита Верхнего Поднепровья (по материалам стоянки Журавель) / В. Ф. Копытин // Палеолит и неолит. – Ленинград : ЛОИА, 1986. – С. 131–138.
9. Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
10. Липницкая, О. Л. Исследования в Могилевской, Гродненской и Брестской областях / О. Л. Липницкая // Археологические открытия 1978 года. – Москва : Наука, 1979. – С. 441.
11. Липницкая, О. Л. Кремнедобывающие мастерские запада и центра Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. Л. Липницкая; ЛОИА. – Ленинград, 1988. – 16 с.
12. Ошибкина, С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье / С. В. Ошибкина. – Москва : Ин-т археологии РАН, 2006. – 322 с.
13. Сорокин, А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Тусов. – Москва : Гриф и К, 2009. – 387 с.
14. Янитс, К. Л. Кремневый инвентарь стоянок кундаской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. / К. Л. Янитс; АН СССР, Ин-т археологии. – Москва, 1990. – 32 с.
15. Ostrauskas, T. Kundos kultūros tyrinėjimų problematika / T. Ostrauskas // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2002. – T. 23. – P. 93–106.